

1

ГЛАВА

К дому Саманты Стюарт инспектор Морис прибыл через десять минут. Всю последнюю неделю он проклинал бумажную волокиту, считая, что детектив должен заниматься настоящим делом, а не перекладыванием страниц из папки в папку, из кабинета в кабинет. Не то чтобы он был рад этому вызову, но и не то чтобы не был. И не видел в том никакого кощунства.

Дом Саманты Стюарт, двухэтажный, каменный, с коричнево-красной крышей и арочными окнами, поддерживался высокими колоннами и ежегодной побелкой. Свет огромной люстры играл меж гранёными каплями, отражаясь множеством лучей на мраморном полу. Комнатные пальмы стояли у высокой лестницы, ведомой бронзовыми перилами на второй этаж. По этой же лестнице поднимался офицер со служебной овчаркой, предлагая ей взять исчезнувший след.

Инспектор Морис прошёл на кухню. Саманта Стюарт сидела за столом, в компании двух следователей, одного криминалиста и хрустальной вазы с апельсинами, что стояла в центре стола. По округлым бёдрам хозяйки дома струился шёлковый халат. Грудь была слегка оголена, а длинные светлые волосы небрежно спадали на лицо.

«Красивая женщина», — подумал инспектор. Всё в ней было красиво, всё, кроме зияющего багрового пятна под грудью.

— Огнестрел, — сказал один из следователей, — гильзу не нашли, пуля разорвалась внутри.

— Огнестрел, — повторил Бенджамин Морис и обошёл сотrudников, не мешая им работать с телом.

Работа же инспектора заключалась в другом — восстановить цепочку последних событий.

— Предположительное время смерти? — спросил он.

— Около полудня, — ответил следователь.

«Около пяти часов назад», — прикинул инспектор.

Он поднялся на второй этаж. Дверь в спальню была открыта. Морис вошёл. Кровать аккуратно заправлена, стулья на местах, один у стены, другой возле зеркала, никаких следов взлома или борьбы. На туалетном столике стояли разного вида шкатулки: из лакированного дерева, из холодного зелёного камня и просто обшитые кожей. Весь столик был в них.

Морис открыл одну, вторую, третью, их было шесть, и все они были набиты украшениями: жемчугами, золотыми кулонами, красивыми кольцами. В одной из шкатулок была свёрнутая пачка денег, они отпружинили крышку, когда Морис только дотронулся до неё. Инспектор взял одно из колец и присмотрелся к оборотной стороне — тысяча восемьсот какой-то год, цифры были стёрты. Так и есть, подумал детектив, все украшения походили на семейные реликвии и стоили немислимых денег, и все они были нетронуты. Если бы

преступник искал что-то конкретное, одно кольцо из множества, но нет, следов поиска тоже не было. Морис хорошо чувал былую суетность. Когда кто-то спешил или заметал следы, это всегда ощущалось в воздухе, будто само пространство было спутано.

Впервые инспектор почувал подобное лет десять назад, в спальне своего дома, когда вернулся раньше времени. Эта скомканная нервозность витала в воздухе, пряталась во взгляде жены, в ворохе наспех заправленной постели. Тогда он никого не нашёл, он и не пытался искать, но и не отрицал очевидного. Так и сейчас очевидно было, что убийца — не вор.

Часто Морису приходилось реанимировать прошлое, расставлять предметы по местам, поступки по мотивам, прослушивать телефонные разговоры, проходить по следам будущей жертвы, до последней её минуты. Он должен был думать как преступник, хотеть того же, понять, почему он того хотел. Инспектор спустился вниз.

— Мы осмотрели сад, — услышал он знакомый голос сержанта, это был Ронни из его отдела, — в саду всё чисто. Скорее всего, убийца вошёл через центральный вход, а жертва сама впустила его.

— Так в саду совсем ничего? — переспросил детектив.

— Проверь сам, Морис.

Ронни не любил таких, как детектив. Слишком педантичен, слишком въедлив и не к месту упрям. Бенджамин всегда был не к месту. Для Ронни всё казалось очевидным, для Мориса же ничего очевидного быть не могло.

Двери во внутренний двор были распахнуты настежь, через кухню виднелся просторный сад с небольшим водоёмом, милым фонтанчиком, ротанговой мебелью и садовыми гномами, засеваемыми в кустах. Бенджамин Морис пошёл на свет играющего в малиновых клёнах солнца, оно то подсвечивало огневидные листья, то оттеняло их. В саду пахло лилиями и розмарином. Морис и сам был не прочь жить в таком доме, но жил лишь в серой квартире, под такими же серыми соседями, которым, как и ему, никогда не светили ни такой дом, ни фонтан со скульптурами, ни солнце в канадских клёнах.

Инспектор медленно обходил сад. Подошвы его чёрных ботинок осторожно приминали идеальный газон, ступали по мозаичным дорожкам из камня, проходили вдоль полукруглых кустарников и осиротевших белых фигур. Зелёное, белое, зелёное, белое, стеклянное... стеклянное. Морис не сразу заметил стекло, лежавшее в траве, присмотревшись, детектив поднял его. Оказалось, что это заколка (имитация хрусталя с металлической застёжкой) с прядью светлых волос на ней. «Прядь Саманты Стюарт, — подумал Морис, — внушительная прядь. Такую можно только выдрать силой». Морис попытался восстановить происшедшее. «Сначала он схватил её за волосы, — рассуждал детектив, — она вырывалась, он дёрнул и выдрал заколку вместе с волосами. Преступник выбросил её, а после сам же не смог найти, нелегко найти стекло на траве. Получается, убийца не выстрелил в мирно сидящую женщину, он убил её здесь и приволок на кухню, усадив за стол, придал ей красивую позу, но за-

чем? На обуви убитой нет травы или земли, её каблучки должны были впиться в землю, должны были принести с собой что-то из сада. Он помыл её обувь, — догадался Морис, — помыл и усадил за стол. Но почему он не оставил её здесь? Труп на траве в саду, чем плохое убийство? Почему не в саду? — Детектив расхаживал из стороны в сторону. — Никто не должен был знать, что убийца зашёл через сад. Через сад можно зайти? Инспектор пробежал по периметру. Невысокий каменный забор огораживал участок. Зайти через сад... У него не было ключей от дома, и ему не открыли бы, а подстроил он всё так, чтобы сузить круг подозреваемых до близких знакомых».

Морис ещё долго ходил по участку. При желании можно было легко перемахнуть через забор, поставить лестницу и перелезть. Да что там лестницу, инспектор встал на цыпочки, будь преступник выше Мориса (что вполне естественно, все знакомые были выше Мориса, даже женщины), то с лёгкостью бы мог перелезть через забор. Инспектор осмотрел заколку, пружина выскочила, прядь убитой Саманты развевалась по ветру. Он накрутил её на пластиковое стекло и стал ощупывать карманы своего плаща. Пакеты для вещдоков Бенджамин всегда носил с собой. Всегда, только не сейчас. Ничего, у Ронни должен быть пакет.

Морис забежал в дом. В доме никого не было. Ни тела, ни следователей, ни Ронни. Только пустота. Дорогая, холодная пустота.

— Ронни, ты здесь? — крикнул Морис.

Из сада повеяло холодом, Морис закрыл витражные двери.

ЛОРА КЕЙЛИ

«Как долго я пробыл в саду», — подумал он и посмотрел на часы. Стрелки остановились. Он побил по стеклу, оно треснуло.

— Китайская дешёвка, — буркнул детектив. Он стал рыться по кухонным ящикам и, найдя наконец рулон из пакетов, положил заколку в один из них. Завтра он отдаст вещдок на экспертизу.

2 ГЛАВА

Морис жил в небольшой квартирке: прихожая, через шаг холодильник и мойка, можно сказать, кухня в прихожей или наоборот. Окно освещало полкомнаты, кухня и была половиной комнаты, в неё буквально врезалась кровать. За окном находилась пожарная лестница. Мимо Мориса часто ходили по лестнице: непонятные люди в широких штанах, понятные женщины в длинных блузках, или то были короткие платья... Морис давно не смотрел на девиц. Ничего хорошего от них он не ждал.

Всё, что он когда-либо имел, отошло его жене и её любовнику. Тот прохиндей работал юристом, они оказались в сговоре. А Бенджи остался в этой квартире, на третьем этаже четырёхэтажного дома времён Великой депрессии или каких-либо других времён, но застал он немало депрессий. Депрессию несчастного художника, что жил на втором, тот писал картины и разрывал их, писал и разрывал. Морису даже казалось, он писал, чтобы разрывать. Депрессию мадам Аннет, все знали, что она мадам, но никто не видел почему. Скорее всего, она была вдовой, скорее всего, вдова была безутешна, ведь кто бы её ни утешал, больше пары дней не задерживал-

ся. Дом застал депрессию великого фотографа. Сеньор Альваро жил над Морисом и всем говорил, что великий, а его фотографии крали, бесстыдно крали и побеждали с ними на выставках. Никто и не спорил с несчастным фотографом, все соглашались с его величием, всем было не до него. Было ещё много других депрессий, они заселялись и выселялись из дома, парочку вынесли ногами вперёд.

Морис позавтракал холодной пиццей и принял чуть тёплый душ. Когда-то у него была своя ванная, в том доме были две ваннные комнаты, сейчас же не было ничего. Морис надел старый костюм, а поверх измятый плащ, нащупал в кармане вчерашний вещдок и вышел на улицу.

Захлопнув дверь престарелого «Форда», в котором через раз закрывались замки, Морис поехал в участок. Такие машины перестали выпускать ещё в 98-м, но Морис не переставал в неё верить, да и зарабатывать больше не начинал.

В участке работа кипела. По отделу бегали сотрудники, трезвонили телефоны без устали, сбрасывая и принимая звонки. Секретарша Глория, что всегда опаздывала с поводом и без, распечатывала уже не первый бланк для капитана. «Позвони ещё раз в правовой отдел!» — кричал ей вслед капитан.

«Значит, не раз уже звонила, — подумал Морис, — что за ерунда», — оглядывался он. Офицеры стояли у кофемашины и громко смеялись, травя анекдоты. Двери соседних кабинетов выпускали и выпускали людей.

— Эй, Морис, — крикнул из-за стола Ронни, — чего опоздал?

Детектив понял, что проспал. Утром он вроде бы встал в шесть, но и часы его тоже встали, ещё вчера в шесть вечера, в доме убитой Саманты Стюарт. Морис посмотрел на большие настенные, было без четверти десять.

— Чего застыл? — рассмеялся Ронни.

Морис посмотрел на Ронни, на всех вокруг, вспомнил про вещдок в кармане и пошёл на второй этаж. Что-то странное творилось с инспектором, как-то не так было вокруг.

За стеклянной дверью человек в белом (эксперт лаборатории, высокий, нервный, худой) уже десять минут объяснял что-то Морису:

— Я тебе ещё раз говорю, — настаивал криминалист, тряся пакетиком с заколкой возле носа Мориса, — что никакого дела, никакой Саманты Стюарт у нас нет!

— А я тебе ещё раз говорю, что вчера после шести привезли её тело, — настаивал детектив.

— Вот куда привезли, туда и иди!

Морис забрал заколку и вышел за дверь. Она громыхнула так, будто дала ему по носу. Его будто выставили, нагло выставили.

«Эти медики вечно сидят на чём-то», — бормотал Морис, спускаясь вниз, как вчера он спускался по мраморной лестнице в доме убитой Саманты Стюарт. Морис расстегнул пиджак и верхнюю пуговицу, вытер со лба испарину и вернулся в отдел.

— Эй, Ронни, — подошёл он к сержанту, — мне нужно приобщить заколку к делу.

Ронни посмотрел на заколку в пакете.

— Ну так приобщи.

— Её не принимают в лаборатории. Им нужно дело Саманты Стюарт.

— Кого?

— Саманты Стюарт. Вчера в саду я нашёл заколку с её волосами, убийца зашёл через сад.

— Какой убийца, Бенджи? В каком саду?

— Ты издеваешься, что ли, Ронни? Ты вчера осматривал тело. Саманта Стюарт, двадцать шесть лет, огнестрел.

— Какой огнестрел, какое тело? Вчера мы весь день просидели здесь.

— А чьи это, по-твоему, волосы? — Морис указал на пакет.

— Откуда мне знать, чьи это волосы. Ты совсем уже тронулся?

Ронни смотрел на Мориса как на сумасшедшего. Морис и сам решил, что сходит с ума.

— Дом, двухэтажный с колоннами у поворота на Филдстон-стрит, — не моргая смотрел он на Ронни.

— Та-ак, — протянул сержант. — Я всё понял...

— Да?

— Конечно! Вчера после работы ты пошёл в бар и в дупель напился, а после подцепил какую-то девку, вот с этой самой заколкой, провёл с ней ночь, проспал, а наутро принял её волосы за вещдок. И сегодня в белой горячке припёрся в отдел.

— Там был сад, Ронни, — чуть не плача, говорил Морис, — в саду были гномы.

— Гномы?

— Да.

— В саду?

— Да!

— Живые?

— Ты что, издеваешься надо мной? — Морис облокотился на стол.

— Что случилось? — спросил офицер, что потягивал кофе у стойки секретарши.

— У Мориса появилась любовница! — крикнул Ронни. — Сегодня ночью он выдрал ей волосы и сейчас пришёл похвастаться этим.

— Поздравляю, лейтенант! — сказал офицер, приподнимая кофе, как бокал. — Сколько можно оплакивать неудавшийся брак.

— Я не оплакивал...

— И правильно.

— Нашёл чем хвастаться, — покосилась на Мориса секретарша.

— Не завидуй, Глория, — подмигнул ей Ронни.

— Да не было никакой любовницы! — завопил Морис.

— Есть вещи, которых не стоит стыдиться, лейтенант, тем более в вашем-то возрасте...

— Мне сорок пять!

— Серьёзно? А с виду дашь все сорок шесть...

— Всё, с меня хватит! — Морис послал всех к чёртовой матери и пошёл за свой стол.

«Может, и правда ничего не было, — думал он, смотря на заколку, — ни дома, ни убийства, ни сада с гномами».

Он взглянул на часы, они были с трещиной. «Может, приснилось, но откуда вещдок?»

Морис видел всё: и себя, и Ронни, и офис, весь, каким он его помнил, и людей всех, что помнили его. Чьи-то пальцы отбивали разрешение на обыск, всаживая в столешницу клавиши с буквами, чьи-то губы повторяли услышанное в трубке, завершали разговор. Этот день был таким же ре-

альным, как реальным было вчера. Вдруг это всё перед ним закружилось — и отдел, и люди, и их голоса, закружилось и встало, и Морис встал, встал и пошёл к выходу. Как идут с похмелья, нехотя, чуть пошатываясь, с больной головой и шумом в ушах.

— Простите, — донёлся незнакомый голос.

Морис видел пришедшую девушку, Морис слышал незнакомый голос, Морис сходил с ума.

— К кому я могу обратиться за помощью?

Помощь сейчас не помешала бы Морису. Он огляделся по сторонам.

«Интересно, они её тоже видят или её вижу только я?..»

— Вы меня слышите? — спросила женщина.

— Я вас слышу, — прошептал инспектор, он будто сейчас проглотил все гласные. Он будто забыл, как дышать. Вдох, вдох, где выдох? А, вот же выдох, ладонью с размаху по потной спине. Ронни треснул ему меж лопаток: «Морис, дай пройти», — и прошёл мимо него, мимо неё, как будто так легко это было — ходить мимо воскресших людей.

Морис взял женщину под локоть, никогда он не брал трупы под локоть, никогда не приглашал присесть.

Он сел за свой стол, она села напротив.

— Глория, принеси, пожалуйста, кофе, — попросил Морис.

— Я не твой личный секретарь, — чуть не ответила Глория, но тут же метнулась за кофе, увидев бумажную бледность его лица.

Морис отпил сладкий кофе, искоса смотря на ту, что смотрела на него.

— Как вас зовут? — еле выговорил он.

— Саманта Стюарт.

Всё опять закружилось, но быстро встало на места.

— Чем я могу вам помочь?

— Уже неделю мне поступают звонки с угрозами. Я не сразу поняла, что это угрозы. — Она быстро перебирала ремешок своей сумочки.

— Не поняли?

— Нет, сначала в трубке молчали, а потом заговорили, но голос был будто записан на плёнку или наложен какой-то эффект.

— Что сказали?

— Время пришло.

— Время пришло?

— Да, — губы её задрожали. — Меня могут убить?

— Возможно, — протянул Морис.

Он совершенно не думал о жертве, чего о ней думать, если она уже мертва, он не думал и о поступивших звонках, раньше бы он зацепился за это, раньше, но не сейчас. Сейчас он думал о психологической помощи и о том, как нелепо завершилась его сознательная жизнь. По долгу службы он пару раз говорил с сумасшедшими. Но, к сожалению, не спросил их тогда, поняли ли они, в какой момент спятили. А стоило бы спросить. Если они ни о чём не догадывались и не знали никогда, что разум покидает их, а он знает и вполне себе догадывается, значит, у него не всё так плохо. Может, он и не совсем псих...

Детектив взглянул на Саманту. Ему захотелось ещё раз дотронуться до неё. «Может, она ненастоящая, может, всё ненастоящее», — подумал Морис, но всё же постарался прийти в себя.

Глаза Саманты наполнились страхом, лицо задрожало, волосы то и дело спадали на лоб, мешали, лезли в глаза. Она поправляла их и поправляла, пытаясь собрать, но они всё падали и падали. Саманта открыла объемную сумочку и ушла в неё с головой, долго рылась и что-то искала.

— Что вы ищете? — спросил Морис.

— Я вчера потеряла заколку, — сказала она, — и где я могла её потерять...

«В саду», — чуть не выпалил Морис, но, нащупав заколку в кармане, смолчал.

— Последнюю неделю я никому не открываю дверь, — продолжала покойная, — только доставщикам еды. Я почти не выхожу на улицу, только если во двор, у меня есть свой сад, всё время я провожу там.

«Отличный сад, — хотел было сказать Морис, — и гномы отличные, и клён».

— Вы мне поможете? — взмолилась Саманта.

В глазах её было столько надежды... «Разве могут быть глаза покойника полны надежды, — рассуждал молча Морис, — не могут. Скорее всего, она не мертва. Скорее всего, это даже не её заколка. Может, Ронни был прав...»

— Я сделаю запрос в телефонную компанию, — сказал детектив, постепенно приходя в себя, — мы постараемся вычислить, откуда поступали звонки. Но, скорее всего, не получится.

— Не получится?

— А если и получится, это нам ничего не даст.

— Почему?

— Подобного рода угрозы поступают либо с телефонных уличных будок, либо с заграничных «мёртвых» номеров. Их хозяйева не те, кто звонит.

— А узнать, откуда звонили, вы можете?

— Можем, но только в процессе звонка.

Морис и сам не заметил, как быстро он вошёл в колею своей обычной жизни, обычного лейтенанта отдела убийств. Он говорил так чётко и сдержанно, как говорил всегда, как говорил ещё день назад. Его волновала жизнь этой Саманты. Его волновало, кто же преступник. А заколка, да что заколка, пусть она будет как есть, в пакете, в кармане, в непонятном прошлом, когда-нибудь всё непонятное обретает чёткий след. Морис всегда это знал, он и сейчас в это верил.

— Я в дом больше не вернусь, — сказала Саманта.

— Но что прикажете делать?

— Не знаю...

— Вы можете поселиться в гостинице, но охрану я вам дать не смогу.

— А если он выследит меня? Вы можете пожить со мной?

— В гостинице? Нет, мэм, боюсь, это невозможно.

— А я с вами?

— Вы серьёзно? Хотите пожить у меня? Я боюсь, в моей квартире не так много места.

— Мне всё равно, пожалуйста, не бросайте меня.

— Хорошо, до выяснения всех обстоятельств вы можете пожить у меня.

— Правда?

— Правда, — ответил Морис и вышел из-за стола.

Саманта тоже встала.

ЛОРА КЕЙЛИ

— Подождите меня у дверей, мне нужно найти ключи.

Морис искал ключи от машины.

— Что потерял? — вернулся Ронни.

— Ключи от машины, — он рылся в столе.

— Ключи?

— Ключи.

— Те, что в руке?

— Те, что... — Морис взглянул на свою руку. —

Спасибо, Ронни.

— Ты куда это, Морис?

— Мне нужно проводить девушку, она поживёт у меня.

— Вторая за сутки? Даже я так не могу, — Ронни заржал. Морис сделал вид, что не слышал.

— Только у меня очень маленькая квартира, — подошёл он к Саманте, — и в ней лишь одна кровать.

— Ничего, я буду спать на полу.

Почему-то подумалось Морису, что на полу будет спать именно он.

Днём ранее

Чарли Беккер снял дом напротив, напротив дома Саманты Стюарт, он любил Саманту Стюарт, как и каждый порядочный человек обязан любить свою работу. Люби своё дело, сынок, говорил ему отец, и тебе никогда не придётся работать. О да, как он был прав. Отец Чарли держал свиноферму в Техасе. Он разводил свиней, он любил свиней. «Они как люди, — говорил он, умны и прозорливы. Вот только они предчувствуют смерть». Отец по глазам это видел, он закалывал свиней двадцать пять лет.

«Они предчувствовали смерть, — думал Чарли, стоя за занавеской в спальне, наблюдая за домом Саманты Стюарт. — Они предчувствовали смерть, в отличие от людей».

Чарли Беккер сглотнул. «Сейчас бы на ферму», — думал он, глядя в бинокль в окно спальни Саманты Стюарт. Она только встала, она рано встаёт. Запахнула шёлковый халат и завязала его на поясе, она наклонила голову набок и начала расчёсывать волосы, сверху вниз, сверху вниз. Она была его работой уже несколько дней. За всю жизнь у него было много такой работы, он имел дело с людьми, он наблюдал за ними, он убивал их. Чарли любил пистолеты с глушите-

лем, так он не слышал, как убивал, щёлк — и всё, щёлк — и готово.

«Это не грех, — думал Чарли, — ну какой это грех? Это просто работа — делать за других, что они не сумели бы сами, получать хорошие деньги, брать новые заказы и заметать следы». Чарли Беккер любил заметать следы, всё в его работе было чисто, он любил чистоту. Однажды он помыл посуду за убитым, он-то уже не помоеет, а оно завоняет всё. Когда Чарли уходил, всё блестело, после него даже покойники выглядели лучше, чем при жизни. Они же такие суетные, думал Чарли, кто кричит, кто вырывается, кому галстук потом поправь, кому причёску. Причёска же самого Чарли была идеальна, с пробором набок и ровными баками, он и сам был идеальный.

На работу Беккер ходил в костюме, тёмно-синем костюме и белой рубашке. В шкафу его было много таких рубашек, к сожалению, не всегда они оставались белыми, но только он сам мог застирывать их, а как не смочь, десять лет практики. Он стирал лучше всякой химчистки. Он не любил химчистки, там задают неловкие вопросы: «От чего это пятно», — спрашивают они, а Беккер совсем не любил оправдываться, нужно было что-то придумать, легче постирать самому.

Беккер занавесил окно. Заказчик попросил выждать неделю, подготовить Саманту Стюарт, устроить. Чарли не впервой было устрашать, слово заказчика — закон. Но что больше всего его удивляло, так то, что жертвы не двигались с места. Звонишь им в офис, они запираются в офисе, звонишь домой, они закрывают все двери. Будто для него были препятствием двери.

Даже свинья выбежит из стойла, если есть куда бежать. Люди тупее свиней. Чарли и сам любил предупреждать своих жертв, всё же воспитанным людям следует предупреждать о приходе заранее, он же не гангстер какой, он серьёзный человек.

Чарли Беккер настолько серьёзный, что его пару раз перекупали гангстеры. Однажды он пришёл на встречу с заказчиком. Его пригласили в офис (высокое здание в центре Манхэттена), на двадцать восьмой этаж. Его пригласили на встречу с заказчиком, в здание, напичканное камерами и охраной, отслеживающей те камеры. Он прошёл осмотр, они не нашли ничего. Конечно, не нашли. Ничего и не было, пока он проходил узкие коридоры, ничего не было, пока он открывал распашные двери, никакого оружия в его руках, пока он пожимал руку заказчику. Оружие было под кожей его руки. Перед убийством ты не чувствуешь боли, да и Чарли Беккер вообще мало что чувствовал, он вытащил спицу из-под кожи запястья, он всадил её в шею стоящего перед ним. Его перекупили за час до переговоров. Ему заплатили больше. Чарли всегда платили больше, больше, чем кому бы то ни было. Да и хорошо, разве на дело берут «кого бы то ни было»? Кто бы то ни был не может стать хорошим киллером, а Беккер стал хорошим, отличным, он был лучше всех.

Месяц назад ему позвонили. Его вызвали в один из офисов, в один из тех, что теряются в небоскрёбах-муравейниках, который потом и не найдёшь. Часто для встречи с ним снимали офисы, никто не хотел светить дома. Его встретили на пороге охранники, они провели его че-

рез металлоискатель, тогда он был чист до самых костей. Человек в костюме поздоровался с ним, развернувшись на кресле. Он был подтянут и загорел, его руки были ухоженнее женских, а зубы блестели, как новый фаянс.

Чарли получил много денег, карту местности, фото жертвы в профиль и анфас. Он вышел из кабинета с высокими окнами и заселился в дом напротив. Напротив дома Саманты Стюарт.

Чарли посмотрел на часы, стрелки показали семь утра, он застегнул верхние пуговицы белой рубашки и вышел подышать. Он любил дышать, он любил то, чего лишал других.

Сонные улицы не спешили просыпаться, они ещё потягивались под ночным покровом, открывая то один, то другой глаз. То одно, то второе окно соседних домов открывало и закрывало жалюзи, то одна, то другая рука высывалась из дверей, забирая газеты. Нехотя поднимался Филдстон, нехотя впускал в богатые стены новый день. Солнце взошло над домами, сад напротив звенел красным клёном.

Чарли поднял с порога газету и вернулся в дом.

«Новости Филдстона. 26 августа», — прочитал он.

Сегодня был важный день, он бросил газету на стол. Любой рабочий день важный. Беккер засыпал кофе в турку, раз, два, налил воды, поставил на плиту, дождался первых пузырьков, снял. Беккер знал, что Саманта никому не открывала, никому, кроме доставщиков еды.

Чарли прослушивал её телефон на протяжении недели, он слышал её взволнованный голос каждый день. Сегодня он также ждал её звонка.

Чарли включил модуль и надел наушники, отпил горячий кофе, снял языком тонкую плёнку кожицы с нёба, и только так понял, что обжёт. Он не почувствовал боли, он ничего не чувствовал, когда был так сосредоточен. Прошло три часа. В наушниках Беккера раздался знакомый голос.

— Ресторан «Джордано», здравствуйте.

— Здравствуйте, я бы хотела заказать фирменный завтрак, ланч и кофе без сахара, — сказала Саманта Стюарт.

— Назовите адрес, мисс.

— Филдстон-стрит, восемьдесят два.

— Заказ доставим в течение часа. Всего доброго.

Вчера Беккер заказал ланч в том же ресторане, и сейчас он доставит его сам. Чарли допил кофе до горечи и вышел из-за стола. Он открыл высокий створчатый шкаф и стал перебирать одинаковые пиджаки: первый, второй и неприятно-жёлтый. Неприятно-жёлтый комбинезон доставщика ресторана «Джордано» выбивался из общей картины, портя всё. Он надел неприятно-жёлтый на белоснежную рубашку и посмотрел в напольное зеркало. Чарли любил высокие напольные зеркала, в них был весь он, весь целиком, с головы до пят, а не по частям, по частям можно выносить только трупы, а в зеркало нужно видеть себя во весь рост. Он отряхнул комбинезон от невидимой пыли и подошёл к прикроватной тумбе. На ней лежал рабочий инструмент, он купил его за большие деньги. Нельзя экономить на инструменте, как скрипач не экономит на скрипке, так и он не пожалел денег на оружие. Оно должно быть идеальным, оно должно идеально выполнить свою

работу. Чарли взял пистолет и прикрутил к нему глушитель. Он смотрел на оружие, как мать на дитя, любуясь им и поглаживая, он заткнул пистолет за пояс, взял у порога пакет с едой и пошёл на работу.

Дом Саманты Стюарт находился напротив, Чарли Беккер перешёл дорогу, его твёрдый шаг ступал по мозаичным камням, ведущим прямо к двери. Скоро здесь будет полиция, подумал Беккер, в своей работе ему нравилось всё, особенно переполох после неё, и то, что он был его причиной. Мечущиеся медики, осматривающие территорию полицейские, собаки, ищущие след (они никогда его не найдут), телевизионщики с репортёрами: «Преступник не оставил никаких следов», — скажут они. Беккер ухмыльнётся от слова «преступник» и потешит себя «отсутствием следов». Сейчас он дойдёт до двери и позвонит в неё, он войдёт за порог, закроет дверь и... И вот уже звонок раздался раздражающим резким писком по дому. Шаги приближались к двери, женские каблуки цокали по кафелю. У Беккера был отличный слух. Женская рука открывала верхний замок, нижний замок, дверная цепочка влево-вправо. Вот она.

«Ну, здравствуй, — подумал Беккер, — скоро ты умрёшь».

— Доброе утро, — сказал он.

— Здравствуйте, — сказала она и взяла пакет, — проходите, я дам вам чаевые.

Саманта пошла на кухню за сумочкой. Беккер зашёл и закрыл дверь, на один замок, на второй... Саманта обернулась, Беккер шёл на неё. Ноги её подкосились, она попятилась назад, к дверям са-

да. Беккер шёл на неё. Она выбежала в сад. Беккер шёл на неё.

— Не волнуйтесь, мисс Стюарт.

Он достал пистолет и прицелился. Саманта бежала по саду, он выстрелил. Осечка. Чарли ошале-ло посмотрел на пистолет, выстрелил ещё раз — промах. Саманта бежала к забору. Чарли побежал за ней. Ещё немного, и она добежит, ещё немного, и Чарли достанет её, допрыгнет, как рысь до добычи. Беккер добежал, схватил Саманту, она вскрикнула, он закрыл ей рот, она вонзила ему каблук в ногу, он вцепился ей в волосы. Саманта вырывалась в истерике, Чарли не любил женские истерики, он не любил рукопашную, он ненавидел промахиваться. Саманта резко запрокинула голову, ударив его затылком по носу, он дёрнул её сильно за волосы, выдрав клочок волос. Что-то треснуло и упало на землю, Беккер не понял что, сейчас не до этого, сейчас бы затащить эту стерву в дом. Он потащил её, она впивалась туфлями в землю. Беккер выстрелил ещё раз, Саманта обмякла и повисла на его руках.

Чарли выдохнул. Он ненавидел, когда идёт не по плану, он ненавидел такую возню. Сегодня же он выкинет этот чёртов пистолет, а завтра свернёт шею тому, кто продал его. «Самая лучшая женщина — мёртвая женщина», — подумал он и, взгромоздив Саманту на плечи, занёс в дом.

Чарли посадил уставшую Саманту Стюарт за белый кухонный стол. «Какая она растрёпанная, — подумал он, — и эти грязные туфли, этот грязный пол, повсюду грязь».

4

ГЛАВА

Впервые за десять лет Бенджамин Морис спал с женщиной. То есть рядом с женщиной, точнее, около кровати, на которой спала она. А он был рядом, на полу, рядом с её рукой, которая то и дело спадала ему на лицо. Как-то ночью рука нащупала его нос и забралась обратно, а потом опять сползла. Бенджамин мог бы убрать руку, но как-то смутился, всё же рука, всё же женская, всё же временно, подумал он. Ничего он так не боялся, как живых женщин, ему было бы спокойнее спать среди мёртвых, где-нибудь в морге или на кладбище, где он только не спал, но никогда ему не было так некомфортно, как сейчас.

Ещё неудобнее было Саманте. Она ворочалась до полуночи. Таких матрасов она сроду не видела, на таких кроватях она никогда не спала. Что-то под нею скрипело и проваливалось. После нескольких часов возни Саманте почудилось, что скрипела уже она сама. Наутро каждый из них проснулся разбитым. Морис посмотрел на разбитые часы, вспомнил, что они не идут, потянулся за пультом и снова посмотрел на циферблат, стрелки показывали семь двадцать, часы шли. Он ещё с минуту смотрел, как секундная обгоняет все остальные, переступая с чёрточ-

ки на чёрточку, с цифры на цифру, увеличивая счёт.

Саманта вышла из ванной комнаты.

— Мне нужно заехать домой, забрать кое-какие вещи, — сказала она.

— Который сейчас час? — спросил он.

— Семь двадцать.

— Семь двадцать, — повторил Морис.

— Что-то не так?

— Часы пошли.

— Это плохо?

— Нет, но вчера они остановились...

— У меня здесь даже зубной щётки нет.

— Может, они и не останавливались...

— И пижаму нужно забрать, я привезу сюда пару чемоданов?

— Конечно.

— А кто здесь готовит? — Она посмотрела на кухню.

— Я.

— Вы умеете?

— Нет.

— И я не умею.

Они замолчали. Саманта привыкала к мысли, что ей нужно будет жить здесь, а Моррис — что здесь нужно будет жить с ней, и с её чемоданами. «Хорошо, что не с кошками, — подумал Морис, — хорошо, что не с детьми». Он не любил ни кошек, ни детей. Он даже думать не хотел, что в тех чемоданах. А в них, наверное, женские вещи с приторными ароматами, побрякушки, заколочки... Заколочки, вспомнил он. Ах да, успокоился Морис, он же встал этой ночью и спрятал заколку в верхний ящик стола.

— Значит, так, вы готовы? — засобирался он.

— К чему?

— Едем к вам за вещами. Точнее, вы за вещами, а я осмотрую дом.

Когда-то, когда Саманта была совсем юной и жила не здесь, за ней ухаживал парнишка с соседней улицы. Каждый вечер он заезжал за Самантой. Они смотрели кино в машине и целовались в машине, вот в такой вот машине, в которой она сидела сейчас.

— Я и не знала, что их ещё выпускают, — осмотрела она неброскую панель.

— А их и не выпускают, — смутился Морис.

А дальше они и не знали о чём говорить. До дома Саманты доехали за пятнадцать минут. «Хорошо, что быстро, — подумал Морис, — ничего нет хуже тягучей молчаливой неловкости». Она как жвачка, которую тянешь, тянешь, а потом запихиваешь всю эту тягомотину в рот, надеясь выдуть хоть какой-то пузырь. Нужно хоть что-то выдавить из слов, беспорядочных, случайных; пузырь из бессмысленных предложений. Морис не любил пузырей, он не жевал жвачки, он привык говорить чётко по делу, иначе никак.

Дом был всё тот же, белый с колоннами. Морис медленно к нему подходил. Никак он не мог заставить себя зайти за порог. Вот зайдёт он, а там опять она — мёртвая, на белом стуле, в халате из шёлка... Она стояла посреди холла, живая, звала его.

— Вы так и будете стоять на пороге, детектив? — улыбалась Саманта.

Морис переступил.

Однозначно он был здесь тогда, однозначно это не было сном. И он не знал, что бы это всё значило. Его раздражало это незнание, как любое незнание, потому он докапывался до истины быстрее других. Ему нужна была правда, голая, истерзанная, грязная, но правда, и не было ничего важнее её.

Всё тот же светлый холл, всё те же узоры от спутанных клёнов рисовало солнце на белом полу. Кудрявые, волнистые, они плясали на кафеле живым театром игривых теней. Саманта открыла витражные двери, запустила запахи летнего сада: сладкие лилии, хвойный розмарин. Плавно, размеренно наполняли они своей душистостью дом, проникая призрачно в стены, в мебель, в каждого, кто был здесь. Разморило и Мориса, ударило в голову, он пошатнулся, но устоял. «Стол, гарнитур, два белых стула. Чего-то здесь не хватает, но чего?»

— Вы хотели осмотреть дом, — напомнила Саманта.

— Я его уже осмотрел, — глядел он на розовые кроны, меж зелёных округлых кустов.

— Осмотрели? Когда?

— Сейчас, я осмотрел сейчас.

— Вам нехорошо?

Вид и без того хилого инспектора Саманте казался ненормально болезненным. Он был так бледен, что поставь с ним рядом восковую куклу, и та была бы живей. Этот невысокий сутулый человек совсем не походил на детектива. Он походил скорее на учителя рисования или истории, помятого, неуклюжего в этих самых брюках, на таких же подтяжках; он ходил бы по классу, отме-

ря шаги, думая и присматриваясь, наблюдая за каждым предметом как за шкодливым учеником. Каждый предмет мог что-то да значить, каждый мог заговорить. И Морис вроде как прислушивался к ним. Он подошёл к телефонному аппарату, снял трубку и нажал на кнопку последнего вызова. Аппарат испускал гудки, совершая соединение.

«Ресторан «Джордано», служба доставки», — раздалось на том конце провода.

— Извините, — сказал Морис и повесил трубку.

— Последним местом, куда вы звонили, был ресторан?

— Да, я заказала еду на дом.

— А потом пошли в полицию?

— Да.

— А почему не позвонили?

— Я боялась, что он узнает, что я позвонила в полицию.

— У вас есть какие-нибудь предположения, мисс? Вы кому-нибудь перешли дорогу, сейчас или когда-то? Подставили, подсыпали стекла в туфли на каком-нибудь из конкурсов красоты?

— Я никогда не участвовала в конкурсах красоты, — Саманта рассмеялась. Красная помада её пухлых губ придавала красивой улыбке ещё больше света.

— Почему вы смеётесь?

— Вы очень забавный, мистер Морис.

— Я забавный? — Он покосился на неё с таким прищуром, что она рассмеялась ещё заливистой.

— Простите, я не хотела вас обидеть, я так давно не смеялась, уже год как.

— Я не обижаюсь, мисс, вам идёт смех, я вот не умею смеяться.

- Нет?
- Нет.
- Такого не бывает.
- Бывает, серьёзно вам говорю, я только улыбаюсь, вот так, – инспектор оголил свои редкие коротковатые зубы, Саманта не выдержала и, смеясь, села на лестницу.
- Что? Что такое? – присел он рядом.
- Ничего, – отходила она от смеха, – ничего, мистер Морис. Вы так не похожи на всех других.
- На каких других, мисс Стюарт?
- На всех других, на тех, кто был, – она замолчала и продолжила: – Кому-то нужны были мои деньги, вы знаете, я богата.
- Я догадался, мисс.
- Да, это заметно, – она оглядела хрустальные люстры на потолке.
- Кому-то нужна была моя внешность.
- Вы очень красивы, мисс, не стоит осуждать тех, кто заметил это.
- Но никто не замечал ничего другого.
- Я понимаю. Людей привлекает красота, это нормально, моя жена изменила мне с красавцем.
- О господи...
- И это нормально.
- Как вы можете так говорить?
- У меня есть зеркало, мисс, – инспектор скривил лицо в натужной ухмылке, встал со ступеней и пошёл на второй этаж.
- Неправда, – догнала его Саманта. – Вы очень милый.
- Спасибо, мисс, – смутился Морис. – Так вы говорили, что не смеялись уже давно.

— Моего отца не стало год назад, сэр, — сказала она, чуть помолчав.

— Сочувствую. Что-то криминальное?

— Нет, сердечный приступ.

— Мне очень жаль. — Морис замедлил шаг.

— Но я не верю в это, — повернулась она к нему.

— В приступ? Сейчас такое время, мисс. В моём доме за последний год было два сердечных приступа.

— Я понимаю, но мне не дали даже результатов вскрытия, я и не знаю, было ли оно.

— Кто не дал? — остановился инспектор у входа в спальню.

— Его друзья.

— Друзья?

— Да.

— У вашего отца было много друзей?

— Он называл их партнёрами, потом они перестали приходить.

— Они приходили сюда?

— Нет, мы жили в Висконсине. — Она запнулась и продолжила: — Папа прервал общение с ними, и мы переехали сюда, а через три года он умер.

— Они поссорились, мисс?

— Я не знаю.

— Вы говорили с отцом о его друзьях?

— Нет, он не разрешал говорить.

— Не разрешал? — не понял Морис.

— Да, он всякий раз прерывал разговор.

— Кто-нибудь осматривал его вещи после смерти?

— Я пыталась что-то найти, но ничего в его кабинете не было.

- Где его кабинет?
- Здесь.
- В доме? — удивился детектив.
- Да. Пройдёмте, это на третьем этаже.
- Здесь есть третий этаж?
- Он дополнительный, только с левого крыла.

В одну комнату.

— Что сказал человек, который угрожал вам, мисс, что он сказал вам по телефону?

Саманта остановилась и посмотрела на Мориса.

- Время пришло.
- «Время пришло», это не насторожило вас?
- Я была так испугана, что...
- Я понимаю-понимаю, но воры не говорят «время пришло».

— Да, вы правы.

Она остановилась возле неприметной двери, вдавленной в стену.

— Это здесь, — Саманта открыла дверь и указала на узкую лестницу, ведущую наверх.

«Как я раньше не заметил этой лестницы», — подумал Морис.

Небольшие деревянные ступени осторожно вели за собой. Морис шёл за высокими каблуками лакированных чёрных туфель, они сверкали переливистым гляncем, вознося на себе, как на троне, белые тонкие щиколотки, стройные игристые икры, до середины прикрытые юбкой, будто волной. Справа налево приликала волна, шаг за шагом вниз уходили ступени.

— Вот и кабинет, — сказала Саманта, открывая дверь на третьем этаже, запуская в неё инспектора.

«Вот и кабинет», — осмотрел помещение Морис.

Высокие потолки подпирали массивные балки, они будто держали мансардную крышу, не давая ей упасть. Небольшое окно освещало комнату, письменный стол стоял у окна, над ним нависали книжные полки, книжные шкафы подпирали стены, нагруженные, словно портовые грузчики, книгами до самых верхов. Возле дивана был спрятан камин, скромный камин для такого нескромного дома, он, казалось, был лишним, он, похоже, был тумбой, и не более чем.

— Папа не разжигал его, — сказала Саманта, поймав взгляд Мориса, — что-то с дымоходом.

На камине-тумбе стояли подсвечник в виде трёх слонов, пепельница в виде черепахи, фото Саманты в красивой рамке и стеклянная статуэтка в виде женской фигуры на небольшом постаменте. Морис взял статуэтку и вытер пыль с позолоченного шильда.

— «За лучшую женскую роль второго плана», — прочитал он. — Ваш отец тоже был актёром? — вернул он статуэтку на место.

— Нет, что вы, — улыбнулась Саманта, — он был юристом, отец занимался какими-то финансовыми делами, бумагами, договорами...

— А награды здесь при чём?

— Папа вёл дела многих известных людей, он защищал их.

Саманта взяла стройную фигурку и стряхнула с неё пыль.

— Когда-то я тоже хотела стать актрисой. — Она вытянула статуэтку перед собой и посмотрела ей в лицо, словно бросая вызов, приглашая на бой,

будто заранее зная, что проиграет его. — Но любое упоминание об актёрстве приводило его в ужас.

Она поставила статуэтку на место.

— Я думаю, вы справились бы, вы очень красивы, мисс.

— Спасибо, но об этом не могло идти и речи. Всех актёров он называл шутами, а актрис беспринципными. — Она замялась и покраснела. — Беспринципными легкомысленными женщинами. Если можно так сказать.

— Он говорил чуть жёстче? — Морис попытался поймать смущённый взгляд Саманты.

— Да, намного жёстче.

— Понятно. Значит, ваш отец принимал актрис, вёл их дела, но ненавидел их?

— Скорее презирал.

— А они? Как они разговаривали с вашим отцом?

— Уважительно.

— Уважительно? — переспросил Морис.

— Да, — кивнула она.

— Они могли выбрать любого юриста, но выбрали того, кто презирал их, и разговаривали с ним уважительно?

— Может, они не знали, как отец относился к ним?

— Может, и не знали, мисс, вы правы. А что было с личной жизнью вашего отца, как его, простите, мистер... — Морис взял выгоревшую визитку со стола. — Кларк Стюарт.

— Мама не стало, когда мне не было и двух лет.

— Сочувствую, мисс.

— Мне было хорошо с отцом, он делал всё для меня.

— А, простите, женщины у него были?

— Наверное, были, — задумалась Саманта. — Отец был красив, но я не видела ни одной.

— За всю жизнь? — удивился Морис.

— Да, мы жили только вдвоём.

— А как же актрисы, у него не было связи с кем-то из них?

— Я не знаю, он был очень скрытен в этом плане.

— Дела каких актрис он вёл? — Морис посмотрел на ящик стола, потом на Саманту. — Можно?

— Да, конечно.

Морис открыл его. В ящике было несколько тонких папок с бумагами. Он бегло просматривал всё.

— Так чьи дела он вёл?

— Я не знаю, я сама бы хотела знать... Он никогда не называл имён и пресекал любые разговоры о них.

— Они были у вас дома?

— Нет, ни разу.

— Отца часто не было дома? Где он работал? — Морис перебирал бумаги в папках.

— В основном дома, в Висконсине, но, когда мы переехали сюда, в этот дом, он, как бы вам сказать, вышел на пенсию. И избавился от всех дел.

— Вышел на пенсию? — Морис закрыл очередную папку. — Сколько ему было лет, когда он перестал работать?

— Пятьдесят два.

— Разве это возраст?

— Я знаю... Последние годы он был напряжён...

— Ничего, — он грохнул папки на стол, — здесь одни шаблоны договоров, никаких имён.

— Да, отец ничего не оставил. Он отошёл от дел, избавился от всех документов, а через три года...

— Вы жили здесь с отцом три года?

— Да, сэр.

— А через три года его не стало, и теперь хотят убрать и вас. Кем были его друзья?

— Он называл их компаньонами, — сказала она.

— Они были юристами?

— Не думаю.

— Они были знакомы с актрисами, с которыми он работал? — Морис чувствовал, что здесь что-то не так.

— Да, думаю, да.

— Хорошо, мисс, я разберусь. Вы разрешите, я осмотрю кабинет?

— Конечно.

— У вашего отца не осталось каких-то очень личных вещей? — Детектив ещё раз осмотрелся по сторонам.

— Всё, что есть, всё здесь.

— Как его похоронили?

— Его кремировали.

— Так хотел ваш отец?

— Его друзья так сказали, что он так хотел. — Она вздохнула так глубоко, что, казалось, ей не хватало воздуха.

— Вы видели раньше этих друзей?

— Нет, сэр. Они были так вежливы, организовали всё. А я была не в том состоянии...

— Я понимаю, мисс, понимаю.

Морис ещё раз посмотрел на статуэтку.

ЛОРА КЕЙЛИ

— Погодите-ка, — он взял её в руки и осмотрел со всех сторон, — а кому была вручена эта статуэтка?

— На ней нет имени, — сказала Саманта, — я уже смотрела. Только год, вот здесь.

— Две тысячи второй, — прочитал Морис, — вы не против, если я возьму её с собой?

— Конечно, сэр. Я хотела собрать свои вещи.

— Да-да, а я ещё раз осмотрю кабинет.

Они вернулись домой только к вечеру, с пятью чемоданами и ворохом ненужных вещей.